УДК 81
ББК Ш1

Ирина Вячеславовна Крашенинникова,
соискатель,
Ульяновский государственный университет
(432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42),
e-mail: irino4ka90@list.ru

Значение исследования языкового выражения семейных сценариев для теории языка

В статье рассматривается вопрос о значении исследования языкового выражения семейных сценариев для теории языка. Под языковым выражением семейных сценариев понимается то, как именно в языке выражаются существующие установки, принципы и убеждения о взаимоотношениях в семьях, хранящиеся в нашей голове в виде предложений и фраз. На речевом уровне семейные сценарии представляют собой материально выраженные фразы (предложения), связанные с тем, как представлена совокупность знаний о семье в сознании человека. Изучение языкового выражения семейных сценариев имеет прямое отношение к различным вопросам лингвистического и психолингвистического характера и может внести свой вклад в исследование таких проблем, как язык и речь, язык и мышление, семантика синтаксиса, лексическая семантика, фоносемантика, социолингвистика, что свидетельствует об актуальности названной проблемы для теории языка. Целью статьи является конкретизация взаимосвязи обозначенной проблемы с общетеоретическими проблемами языкознания. Специфика статьи заключается в том, что в ней используется методологически очень важное разграничение таких уровней лингвистического исследования, как уровни «мышление – язык в собственном смысле этого слова – психофизиология – речь – общение». На данном этапе используется описательный метод исследования.

Ключевые слова: семейный сценарий, язык, речь, мышление, психолингвистика, конструктивность, деструктивность, лингвокультурология, фоносемантика.

Irina Vyacheslavovna Krasheninnikova,
Competitor,
Ulyanovsk State University
(42 Lev Tolstoy St., Ulyanovsk, Russia, 432017),
e-mail: irino4ka90@list.ru

The Importance of Language Expression Research Concerning Family Scripts for the Theory of Language

This article deals with the meaning of language expression of family scripts for the theory of language. Language expression of family scripts is thought as current attitudes, values and views about family relationships that are kept as sentences and phrases in our mind. And it is also important how they are developed in speech. At the speech level family scripts have the form of fixed phrases or sentences associated with body of knowledge about family which exists in every person's mind.

Studying of language expression of family scripts has a lot to do with different questions which have linguistic and psycholinguistic nature and can make a contribution to the development of such approaches as language and speech, language and thought, semantics of syntax, lexical semantics, phono-semantics, and sociolinguistics. Thus, the problem presented in this article is relevant for the general theory of language. The purpose of this article is substantiation correlation of represented problem with general-theoretical linguistics problems. The specific of the article is in the following: methodologically important differentiation of such linguistic research levels as "thought – language in its proper meaning – psychophysiology – speech – communication" is used in it. The descriptive method of research is used.

Keywords: family script, language, speech, thought, psycholinguistics, constructability, destructiveness, cultural linguistics, phono-semantics.

В современной лингвистике, довольно часто обращающейся к гендерной проблематике, проблема языкового выражения семейных сценариев пока не затрагивается. Целью данной статьи является попытка ответить на следующий вопрос: что даёт для общего языкознания изучение языкового выражения семейных сценариев?

Под семейным сценарием обычно понимается постепенно развёртывающийся

© И. В. Крашенинникова, 2015

жизненный план, который формируется ещё в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперёд, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора [3, с. 41].

Под языковым выражением семейных сценариев при этом понимается то, как именно в языке выражаются все наши установки, принципы и убеждения о взаимоотношениях в семьях, хранящиеся в нашей голове в виде предложений и фраз. Приведём несколько русских пословиц, раскрывающих различные аспекты тех или иных семейных сценариев:

– *Одному с женою горе, другому вдвое* [7, с. 367];

– *За плохим жить, только век должи́ть (волочить)* [7, с. 370];

– *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся!* [7, с. 372];

– *Утро вечера мудренее, жена мужа удалее* [7, с. 374];

– *Первая жена от бога, вторая от человека, третья от чёрта* [7, с. 377].

В первую очередь, проблема языкового выражения семейных сценариев не может быть рассмотрена вне таких известных проблем общего языкознания, как соотношение языка и речи, языка и мышления.

Теоретическая постановка проблемы соотношения языка и речи в истории языкознания обычно связывается с именем Ф. де Соссюра. Именно он, основавший оппозицию *язык* и *речь*, считал язык и орудием, и продуктом речи [19, с. 57]. Кроме того, язык в отличие от речи является идеальным, его нельзя наблюдать непосредственно, в то время как речь материальна и проявляется в конкретных высказываниях и текстах. Подробный разбор литературы по разграничению понятий *язык* и *речь* представлен в разных источниках [5, с. 95–96; 9; 10, с. 271–284; 19].

При изучении языкового выражения семейных сценариев становится ясно, что оппозиция *язык* и *речь* должны соотноситься как логические категории *общего* и *особенного*, как онтологические категории *сущности* и *явления* предмета исследования. Таким образом, изучение языкового выражения семейных сценариев позволяет уточнить в данной предметной области лингвистические представления о взаимосвязи *языка* и *речи*.

При изучении языкового выражения семейных сценариев оказывается, что разграничения *языка* и *речи* лингвисту может быть недостаточно. Более плодотворно в этой ситуации пользоваться разграничением большего количества уровней исследования – уровней мышления, языка в собственном смысле этого слова, психофизиологии, речи и общения. Мотивировка выделения этих уровней лингвистического исследования рассмотрена А. В. Пузырёвым [17, с. 21–24].

Как может быть представлено языковое выражение семейных сценариев на уровне мышления, в том числе речевого? При решении этого вопроса нельзя обойтись без привлечения данных психологии (общей психологии, психологии мышления) и психолингвистики. Языковое выражение семейных сценариев на уровне мышления выглядит как языковое выражение господствующих установок личности, её мотивов и потребностей, что, в свою очередь, выражается в определённых паттернах мышления [14; 22 и др.]. Нам важно, что при изучении языкового выражения семейных сценариев язык и мышление должны соотноситься как логические категории *общего* и *всеобщего*, как онтологические категории *сущности* и *бытия* предмета исследования. При таком понимании соотношения языка и мышления наше исследование вполне вписывается в существующие представления о том, что человеческое мышление носит всеобщий характер, тогда как человеческий язык всегда национален. Таким образом, изучение языкового выражения семейных сценариев позволяет уточнить в данной предметной области лингвистические представления о взаимосвязи языка и мышления, что, в свою очередь, внесёт определённые уточнения в существующие представления об их взаимосвязи.

Следует отметить, что если в психологии конструктивные и деструктивные векторы мышления обсуждаются такими корифеями, как З. Фрейд, Э. Фромм, Г. Оллпорт [23], то в лингвистике проблемы языкового выражения этих важнейших по своему характеру векторов почти не обсуждаются. Конструктивные и деструктивные векторы мышления обозначаются названными теоретиками психологии с помощью таких понятий, как *конструктивность* и *деструктивность, биофили́я* и *некрофили́я, жиз-*

нелюбие и *деструктивность* и т. д. [23]. Э. Фромм справедливо утверждает, что *некрофилия* ведёт нас к смерти, уничтожению и разложению, в то время как *биофилия* характеризуется целостностью и самодостаточностью [16, с. 85]. Ещё раз обозначим отставание теоретиков-лингвистов от теоретиков-психологов в данной области, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости преодоления теоретического разрыва между смежными науками. В силу сказанного, изучение языкового выражения конструктивных и деструктивных аспектов семейных сценариев призвано стать одной из попыток преодоления существующего теоретического отставания лингвистики от психологии.

Заметим попутно, что указанные паттерны мышления во многом определяются факторами лингвокультурного характера. По мнению многих учёных, лингвокультурология является «комплексной научной дисциплиной синтезирующего типа», она изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании, отражает этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки (система норм и общечеловеческих ценностей) [4, с. 36–37; 21, с. 13–24]. Учёт взаимодействия факторов различного характера (онто- и филогенеза языковой личности, лингвокультурных стереотипов, психологических характеристик языковой личности) позволит уточнить лингвистические представления о взаимосвязи языка и мышления в данной предметной области, что, в свою очередь, внесёт определённые уточнения в существующие представления о взаимосвязи языка и мышления.

Следующий уровень используемой пентахотомии – уровень психофизиологии – означает переход от языка как сущности к речи, как репрезентации языка в материальном виде. Психофизиология – область психологии и физиологии, изучающая объективно регистрируемые сдвиги физиологических функций, сопровождающих психические процессы восприятия, запоминания, мышления, эмоций и т. п.

Суть психофизиологической проблемы сводится к вопросу о том, как соотносятся психические и физиологические процессы, как психика и психические процессы, будучи нематериальными, могут принимать участие в регуляции двигательной активности организма.

А. Ф. Корниенко пишет о том, что «понимание психики как свойства мозга позволяет утверждать, что любые изменения в психике – есть не что иное, как изменения в характере протекания мозговых физиологических процессов». Он также утверждает, что эти физиологические процессы, являясь материальными, могут оказывать воздействие на другие физиологические процессы человека, обеспечивая, таким образом, регуляцию его поведения. Такая идея позволяет предположить то, что влияние психического (идеального) на физиологическое (материальное) осуществляется не непосредственно, а опосредованно через физиологические процессы, протекающие в мозге, т. е. через свою материальную основу [11; 12, с. 10; 17].

Мы с уверенностью можем говорить о том, что на психофизиологическом уровне семейные сценарии – это совокупность динамических стереотипов, связанных с отношениями в семье и различными её аспектами. Уровень психофизиологии следует выделять на сугубо теоретико-методологических основаниях, но специального исследования в лингвистических работах, думается, пока не нужно проводить, поскольку здесь ещё слишком много «белых» пятен.

Если говорить об уровне речи, то Ф. де Соссюр рассматривает её как «сумму всего того, что говорят люди». По мнению Ф. де Соссюра, в речи нет ничего коллективного, а проявления её индивидуальны и мгновенны [20, с. 57].

Л. Ельмслев в своей работе «Пролегомены к теории языка» пишет о том, что речь представляет собой характерную черту личности в хорошем и плохом её проявлении, отличительный признак семьи и нации, свидетельство человеческого благородства [8, с. 1].

Для нас, как и для многих лингвистов, речь – это то, во что превращается язык, это то, в чём он материализуется. Речь – это та реальность, которая обладает материальными признаками [17, с. 23; 26].

На речевом уровне семейные сценарии представляют собой материально выраженные фразы (предложения), связанные с тем, как представлена совокупность знаний о семье в сознании человека.

И, наконец, следует учитывать уровень общения. Как известно по многим работам лингвистов и психологов, только в общении (с кем-либо, а иногда с самим собой) речь выражает не содержание, а личностно ориентированный смысл: один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали [6, с. 6; 13, с. 20; 17, с. 24; 26].

Внутри общения следует различать коммуникацию, квазикоммуникацию и псевдокоммуникацию.

Коммуникация – это тип взаимодействия между людьми, предполагающий информационный обмен. Такое взаимодействие вызвано потребностями совместной деятельности и направлено на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёра [17, с. 23].

В других случаях общение выступает в виде квазикоммуникации (т. е. «будто бы коммуникации»). Показательным примером такого вида общения является диалог двух героев из знаменитой пьесы А. П. Чехова «Три сестры»:

Чебутыкин (идя в гостиную с Ириной). И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое – чехартма, мясное.

Солёный. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой. Чехартма не лук, а жаркое из баранины.

Солёный. А я вам говорю, черемша – лук.

Чебутыкин. А я вам говорю, чехартма – баранина.

Солёный. А я вам говорю, черемша – лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить. Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Солёный. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока [25, с. 923].

Как видно, в данной ситуации герои явно не слушают, а главное – не слышат друг друга.

В некоторых случаях общение выступает в виде псевдокоммуникации. В этом случае партнёр выступает не субъектом, а объектом использования знаковых средств языка. При таком варианте общения отправитель и получатель информации остаются на разных полюсах информационного канала. Такой случай носит название «коммуникативного сбоя» или «ножниц восприятия». И, как правило, возникает неожиданный или нежелательный для коммуникатора результат общения [1, с. 19].

Таким образом, семейный сценарий на уровне общения – это тот индивидуальный, уникальный, неповторимый смысл фраз, содержащих информацию о семейных сценариях, который извлекают из этих фраз конкретные носители языка.

Изучение языкового выражения семейных сценариев может внести некоторые уточнения и в такой раздел лингвистики, как фоносемантика, под которой понимается учение о таких языковых средствах, сущность которых «состоит в наличии у самой звуковой субстанции (звука, слога, слова, синтагмы, фразы, текста) ярко выраженных прагматических характеристик и весьма размытой, но относительно самостоятельной – от предметной отнесённости (например, слова или совокупности слов) – семантики» [15, с. 261–262]. По мнению М. Л. Ремнёвой, данная наука занимается изучением совокупности приёмов фонетической организации текста в их возможной связи с его содержанием [18]. Учёного, занимающегося рассмотрением фоносемантических феноменов, может заинтересовать вопрос о том, в какой степени присутствуют эти феномены в высказываниях, содержащих формулировку тех или иных семейных сценариев.

Изучение проблемы языкового выражения семейных сценариев может быть актуально и для семантики синтаксиса. Оно может быть актуально и для лексической семантики, особенно в плане решения проблемы языковой и речевой многозначности.

Языковую многозначность можно обнаружить либо в грамматике языка в случае неоднозначности синтаксических конструкций, либо в лексике и словаре [2]. Как отмечает Ю. Д. Апресян, речевая многозначность возникает при условии, что позиция подлежащего замещается «существительным со значением лица», а сказуемым является динамичный глагол, «имеющий такое значение физического действия, в которое непосредственно не входит ни указание на целенаправленность, ни указание на нецеленаправленность действия» [2]. Существует ли языковая и речевая многозначность в высказываниях о семейных

сценариях – этот вопрос пока остаётся открытым, требующим более детального рассмотрения.

Кроме того, изучение языкового выражения семейных сценариев может дать новый интересный материал для такой дисциплины, как социолингвистика. Любой текст отражает взгляды и установки автора, что проявляется в стиле написания, использовании определённых конструкций и т. д. В большинстве случаев авторы используют разговорную речь, а отнюдь не язык художественной речи для написания того или иного текста. Несомненно, разговорная речь, заниженная лексика и прочее интересуют исследователей-социолингвистов и могут сообщить о социальном статусе автора, его настроении, характере описываемой ситуации и многом другом. До сих пор невыясненным остаётся вопрос о том, какие именно семейные сценарии формулируют различные типы языковых личностей (в том числе языковые личности различных социальных групп).

Подводя итог вышесказанному, подчеркнём, что общая теория языка включает в себя чрезвычайно широкий спектр изучаемых проблем. Изучение языкового выражения семейных сценариев имеет прямое отношение к различным вопросам лингвистического и психолингвистического характера и может внести свой вклад в исследование таких проблем, как язык и речь, язык и мышление, семантика синтаксиса, лексическая семантика, фоносемантика, социолингвистика, что свидетельствует об актуальности названной проблемы для теории языка.

Список литературы

1. Адамьянц Т. З. Социальные коммуникации. М.: Дрофа, 2009. 208 с.

2. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности [Электронный ресурс] // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. 30. Вып. 6. Режим доступа: http://www.classes.ru/philology/apresyan-71.htm (дата обращения: 05.08.2014).

3. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2008. Кн. 2. 431 с.

4. Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.

5. Гардинер А. Теория языка и речи // Хрестоматия по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1967. С. 95–96.

6. Горелов И. Н. Умеете ли вы общаться? М.: Просвещение, 1991. 144 с.

7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. 990 с.

8. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. Сер. «Лингвистическое наследие XX века». М.: КомКнига, 2006. 248 с.

9. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 156 с.

10. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 309 с.

11. Иваницкий А. М. Психофизиология сознания // Психофизиология / под ред. Ю. И. Александрова. СПб.: Питер, 2003. С. 200–217.

12. Корниенко А. Ф. Психофизиологическая проблема и варианты её решения // Вестн. ТГГПУ. 2011. № 1 (23). С. 313–322.

13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

14. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. 2-е изд. СПб.: Евразия, 1999. 181 с.

15. Пузырёв А. В. Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. М.: Пенза: Ин-т языкознания РАН: Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 1995. 379 с.

16. Пузырёв А. В. Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VI Всерос. науч. конф. (Ульяновск, 17–20 мая 2006 г.) / отв. ред. А. В. Пузырёв. М.: Ульяновск: Ин-т языкознания РАН: Ульян. гос. ун-т, 2006. 243 с.

17. Пузырёв А. В. Пролегомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 123 с.

18. Ремнёва М. Л., Чернец Л. В. Фоносемантика и её предмет. Понятие о звукописи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/ (дата обращения: 06.08.2014).

19. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: ГГПИИЯ, 1975. 175 с.

20. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

21. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

22. Тойч Дж. М., Тойч Ч. К. Второе рождение, или Искусство познать и изменить себя: пер. с англ. М.: СІЧ, 1998. 183 с.

23. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2004. 635 с.

24. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. 4-е междунар. изд. М.: Прайм-Еврознак: Нева: Олма-Пресс, 2002. 420 с.

25. Чехов А. П. Человек, каков он есть. Рассказы и повести. Пьесы. М.: АСТ: Астрель, 2011. 1084 с.

26. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.

References

1. Adam'yants T. Z. Sotsial'nye kommunikatsii. M.: Drofa, 2009. 208 s.
2. Apresyan Yu. D. O regulyarnoi mnogoznachnosti [Elektronnyi resurs] // Izv. AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. M., 1971. T. 30. Vyp. 6. Rezhim dostupa: http://www.classes.ru/philology/apresyan-71.htm (data obrashcheniya: 05.08.2014).
3. Bern E. Lyudi, kotorye igrayut v igry. M.: Eksmo, 2008. Kn. 2. 431 s.
4. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody). M.: Izd-vo RUDN, 1997. 331 s.
5. Gardiner A. Teoriya yazyka i rechi // Khrestomatiya po teoreticheskoi i prikladnoi ling-vistike. M., 1967. S. 95–96.
6. Gorelov I. N. Umeete li vy obshchat'sya? M.: Prosveshchenie, 1991. 144 s.
7. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Gos. izd-vo khud. lit., 1957. 990 s.
8. El'mslev L. Prolegomeny k teorii yazyka. Ser. «Lingvisticheskoe nasledie XX veka». M.: KomKniga, 2006. 248 s.
9. Zhinkin N. I. Rech' kak provodnik informatsii. M.: Nauka, 1982. 156 s.
10. Zvegintsev V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. 309 s.
11. Ivanitskii A. M. Psikhofiziologiya soznaniya // Psikhofiziologiya / pod red. Yu. I. Aleksandrova. SPb.: Piter, 2003. S. 200–217.
12. Kornienko A. F. Psikhofiziologicheskaya problema i varianty ee resheniya // Vestn. TGGPU. 2011. № 1 (23). S. 313–322.
13. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 304 s.
14. Maslou A. Motivatsiya i lichnost' / per. A. M. Tatlybaevoi. 2-e izd. SPb.: Evraziya, 1999. 181 s.
15. Puzyrev A. V. Anagrammy kak yavlenie yazyka: opyt sistemnogo osmysleniya. M.: Penza: In-t yazykoznaniya RAN: Penz. gos. ped. un-t im. V. G. Belinskogo, 1995. 379 s.
16. Puzyrev A. V. Yazyk i myshlenie: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materi-aly VI Vseros. nauch. konf. (Ul'yanovsk, 17–20 maya 2006 g.) / otv. red. A. V. Puzyrev. M.: Ul'ya-novsk: In-t yazykoznaniya RAN: Ul'yan. gos. un-t, 2006. 243 s.
17. Puzyrev A. V. Prolegomeny k estetike yazyka i otsenka soderzhatel'noi osnovy masso-vykh pesen. Ul'yanovsk: UlGTU, 2010. 123 s.
18. Remneva M. L., Chernets L. V. Fonosemantika i ee predmet. Ponyatie o zvukopisi [Elek-tronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/ (data obrashcheniya: 06.08.2014).
19. Skrebnev Yu. M. Ocherk teorii stilistiki. Gor'kii: GGPIIYa, 1975. 175 s.
20. Sossyur F. Trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1977. 696 s.
21. Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury / otv. red. V. N. Teliya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. S. 13–24.
22. Toich Dzh. M., Toich Ch. K. Vtoroe rozhdenie, ili Iskusstvo poznat' i izmenit' sebya: per. s angl. M.: SICh, 1998. 183 s.
23. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / per. s nem. E. Telyatnikovoi. M.: AST, 2004. 635 s.
24. Kharris R. Psikhologiya massovykh kommunikatsii. 4-e mezhdunar. izd. M.: Praim-Evroznak: Neva: Olma-Press, 2002. 420 s.
25. Chekhov A. P. Chelovek, kakov on est'. Rasskazy i povesti. P'esy. M.: AST: Astrel', 2011. 1084 s.
26. Shakhovskii V. I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2008. 208 s.

Статья поступила в редакцию 20.10.2014